

Тот мир — Станислав Лем

Любая книга — кабель между мозгом автора и мозгом читателя. Кабель с двумя разъемами, они же коннекторы, на концах — способностью сформулировать и способностью понять. Не протертые с утра (известно чем) контакты барахлят. Искрят! — гордо говорят неряхи, намекая на немереный ток и свою индуктивность. Вдобавок Интернет выдрал из кабеля диод, и любой идиот или тролль на жалованье может автору направить в обратном направлении свое мнение о его умственных способностях.

У автора же перед органами восприятия был огромный мир, и читателю с рецензентом тот мир тоже может быть интересен. Правда, один автор надул щеки и сообщил, что его стих не зеркало, а телескоп. Но у него — да и у многих других — то ли зеркало было кривое, то ли бинокль перевернутый, то ли по проплаченности, то ли по необъективности. А тут рецензент со своей блажью: написать и о том мире, и о том кабеле содержательно и интересно, благо автор нам не чужой, а уж как не чужой нам тот мир, о ком он пишет! Тот мир — Станислав Лем.

Итак, Виктор Язневич, «Станислав Лем».

Редакция с удовлетворением отмечает: и мы его читаем, и наши читатели его читают, и мы несколько раз имели удовольствие публиковать Лема, в том числе и в переводе Язневича. Данная книга вышла в серии «Мыслители XX столетия» (Минск, 2014) и посвящена в основном проблеме «философ Лем или писатель?». Мне кажется, что проблемы

здесь нет — читай и наслаждайся, — поэтому, может быть, мне удастся быть объективным.

Сначала о формальном. В книге, как это и должно быть, приведена биография Лема, причем со множеством неизвестных нам ранее деталей — например, о его некотором участии в политике, антифашистской и антисоветской. Но главное в биографии, предложенной нашему вниманию, — подробное описание именно не только литературной, но и философской стороны его деятельности, в частности его не слишком удачные контакты с философским истеблишментом. Причина этого проста: как пишет сам Лем, «в жизни и работе я был котом, который ходит собственными тропами... появлялся в различных удивительных областях, от кибернетической социологии и философии до вымышленной критики несуществующих романов и до science fiction, везде был пришельцем со стороны, которого чаще, чем признание, приветствовало восхищение читателей — наиболее разумное, ибо во всех

Созидание через разрушение

Станислав Лем

Перевод с польского Виктора Язневича

Художественная литература — лишь часть творчества Лема. Большой объем занимают публицистика, научно-популярные статьи, литературная критика, футурология и философия. Уже в XXI веке, на девятом десятке лет жизни, он еженедельно публиковал по две-три заметки по самым разным вопросам: литература, культура, уроки истории, человек и общество, политика, глобализация, демография, терроризм, информационные войны, «звездные войны», развитие науки, футурология, лженаука, религия, сознание, развитие технологий вообще и информационных в частности, эволюция жизни и человека, генетика, клонирование, бионика, вопросы продления жизни и бессмертия, виртуальная реальность, искусственный интеллект, энергетика, изменение климата, освоение космоса, инопланетяне, эволюция Земли и Вселенной... Мы предполагаем в течение ближайшего года регулярно публиковать (впервые на русском языке) заметки и статьи классика научной фантастики.

В 1982 году, находясь в так называемом Институте повышения квалификации в Западном Берлине, я написал цикл эссе «Библиотека XXI века». Сейчас я хочу вернуться к одному из тех текстов под названием «Принцип разрушения как творческий принцип. Мир как всеуничтожение». Он касался Вселенной, и в особенности общего закона, согласно которому возникают упорядоченные системы, такие, как галактики, а в них — планетарные системы.

Я сосредоточился на полученном астрофизиками знании, устанавливав четкую причинную связь между мощнейшими взрывами суперновых звезд и рассеиванием через их фрагменты в огромных пространствах Космоса всех тех элементов, которые необходимы для образования сперва планет, а затем — живых организмов. Максимально кратко это правило гласит, что жизнь возникает из звездных останков.

В настоящее время детальные исследования показали, что жизнеспособные планеты обязаны своей со-

темах, которые затрагивал, и жанрах, в которых творил, был одиночкой и самозванцем».

Дело, однако, не только в этом. Во-первых, в каждой области есть свой принятый стиль. А пан Станислав и свою литературу не всегда писал чисто литературно — что, кстати, очевидно, сужало круг читателей, — и свою философию писал не совсем тем языком, к которому привычны философы. Причем в некоторых его литературных произведениях есть просто философские вставки, но есть и «растворенное». Понятно, что это (как и любая особенность стиля), если говорить гуманитарным языком, поляризует читателей. А если говорить физико-техническим, то функция распределения читателей по оценкам делается бимодальной и дисперсия каждой моды убывает. Отсюда мораль: спрашивать читателей об отношении к авторам и произведениям надо в более дробной шкале, чем это обычно делается, и, скорее всего, шкала должна быть двухступенчатая. Из личного опыта — работы по социологии, написанные физиком и технарем, принимаются высококлассными социологами с интересом, но с ворчанием. Один раз в прошлом году чуть не убили.

Есть и еще две мелкие причины для не слишком быстрого и легкого признания Лема как философа — IQ 180 и, судя по некоторым признакам, не всегда гуманное отношение к туповатому собеседнику. Я слегка исследовал вопрос: собеседник, чей IQ превышает ваш на 20, воспринимается как быстро схватывающий, в обратном случае — как заметно не выпавшийся. Представьте, как действует разница на две-три ступени большая... А вот цитата из Лема, хорошо иллюстрирующая его некую размахистость в суждениях. «Моя литература, несмотря на то, какова ее художественная ценность, обычно в себе содержит некую старательно упакованную Мысль, которой у других не наблюдается, то есть является оригинальной интеллектуально, и поэтому также *nota bene* обычно наталкивается на сильное сопротивление именно интеллектуалов, которые, стыдно сказать, обычно ужасно не суверенны в своем интеллектуализме и не знают, бедняжки, что Мысль — это не то же самое, что Мода (в данном случае Мода на определенный Фасон Мысли)». Понятно, что установлению дружеских контактов такая реакция способствовала не всегда.

Фото В. Язневича

зидательной силой таким элементам, как углерод, водород, кислород, сера, фосфор, и следам соединений тяжелых металлов, полученным благодаря той центральной звезде, которая этими элементами может их обеспечить. Можно также точнее и немного иначе сказать, что звезды, делающие возможным образование планет земного типа,

должны иметь именно такой, довольно богатый металлами состав, как наше Солнце. Это так называемые звезды второго поколения, которые появляются в пространстве, предварительно насыщенном рассеянными остатками звезд первого поколения, которые были разорваны взрывами.

Именно в этой связи двадцать лет назад я додумался до названия «созидающее разрушение», поскольку предшественником жизнесозидающего планетогенеза являются гигантские разрушения гораздо более ранних звезд. В общих чертах, на определении этой причинной связи между катастрофами прасолнц и образующимися вокруг вновь рождающихся солнц кольцами туманностей, в которых возникают планеты, задерживались мои тогдашние размышления, которые должны были охватить связи и последствия звездных катаклизмов. Но до последнего времени не были известны движущие причины очередных фаз развития жизни на нашей планете.

КНИГИ

Книга Виктора Язневича содержит великолепный конспект философских взглядов Лема, и поэтому я знаю, у кого она — в виде файла, когда ее слямзят и выложат в Сеть, — будет безумно популярна: на сайтах, предлагающих рефераты. Следует ожидать «вспышки интереса» к философии Лема — особенно во время зачетной сессии, когда стон стоит над городом и дымятся лазерники, выпекая «рефераты». Интересен также раздел, в котором собраны мнения Лема о многих философах. Рискую слегка обидеть автора книги, замечу, что он будет популярен и у тех, кто, согласно анекдоту, «не читал Фейербаха», — например, мне читать было интересно.

В заключение зададим два вопроса: надо ли эту книгу читать и если да — то когда: до Лема, одновременно или после него? Ответ прост: да, читать, и лучше после. Почему читать — понятно: потому что интересно и полезно. А почему после? Ответ прост и здесь — чтобы при чтении самого Лема не только мурлыкать от удовольствия, но и нейронами работать.

Л.А.Ашкинази

КНИГИ

Благодаря работам палеогеологов и палеонтологов мы узнали, что жизнь в своей простейшей форме прокариотов возникла едва лишь несколько сотен миллионов лет после образования нашей планеты и застывания ее поверхности. Стало также известно, что затем, приблизительно еще два миллиарда лет, существовала только беспрестанность примитивнейших первичных клеток, но по-прежнему не было известно, каким образом и наносил ли Космос вообще уже в то время нашей планете неожиданные удары посредством падающих на нее метеоритов. Геология уже позволила примерно установить очередность крупнейших столкновений Земли с такими телами, когда каждое из этих столкновений было равнозначно зооциду, то есть чрезвычайно неожиданной и резкой гибели видов, живущих как в океане, так и на материке. Таких попаданий особенно тяжелого калибра Земля пережила несколько, а одно из крупней-

ших произошло еще в пермском периоде и погубило множество примитивных организмов в океанах. Зато абсолютно неизвестна была причина, благодаря которой почти одновременно возникло огромное количество абсолютно новых видов живой природы в кембрийском периоде, то есть около полумиллиарда лет до нашей эры.

Недавно было начато новое исследование, в результате которого должны были найти на Земле следы древних метеоритных ударов. Это не было простое исследование, поскольку факторы как геологические, а именно так называемая тектоника плит, так и океанические, а также очередные оледенения и вызванные ими изменения океанических и атмосферных течений успешно маскировали древние кратеры, которые возникли в результате метеоритной бомбардировки. В новом исследовании было принято за исходное предположение сходство частоты ударов в Землю и в ее спутник. Поскольку на Луне отсутствуют сейсмические движения, а также вода и атмосфера, она стала как бы музейной пластинкой, на которой записались метеоритные бомбардировки в течение миллиардов лет, а поскольку расстояние между Землей и Луной астрономически совсем незначительно, можно предположить, что частота ударов, каким были подвержены оба этих небесные тела, в разные эпохи была приблизительно одинакова.

Период, когда подвергалась бомбардировке Луна, удалось установить селенологам благодаря как скальным образцам, привезенным экспедициями американских астронавтов, так и на основе анализа фотографий Луны. Как можно было догадаться, относительно молодая Луна находилась под значительно более интенсивным метеоритным обстрелом, чем в более близком нашей эпохе времени, поскольку в Солнечной системе постепенно начал преобладать порядок, чему особенно благоприятствовал Юпитер, выполняющий, по мнению астрономов, роль большого мусорщика нашей системы. Скальные крошки, которые, как метеоры, бьют по Земле или Луне, происходят из кольца астероидов, находящегося между внутренними планетами типа

Земли и Марса и большими внешними типа Юпитера и Сатурна. На границах Солнечной системы находится так называемое облако Оорта, которое также предоставляет сравнительно небольшие тела кометного типа.

После установления частоты ударов по Луне, благодаря специальной сейсмической службе, можно было приступить к поискам их земных аналогов. При помощи имитации тектонических ударов, то есть резких ударов в кору континентов, выполненных соответственно приспособленными для этой задачи устройствами, удалось найти незаметные на поверхности Земли кратеры, спрятанные под более молодыми скальными наслоениями, с размерами по крайней мере 80-километрового диаметра. После этой серии предварительных исследований появилась возможность нарисовать временную кривую, обозначающую частоту бомбардировок как Земли, так и Луны, и тогда оказалось, что мощные удары, наносимые из космического пространства, привели к массовому уничтожению жизни, достигающему ликвидации до 90% существующих видов. Вместе с тем после небольшого промежутка времени, насчитывающего только десятки тысяч земных лет, началась эпоха повсеместного возникновения видов, которые раньше не существовали. Таким образом, мы можем теперь сказать, что после каждой катастрофы планетарной жизни наступало время ее обновления, и тем самым мы видим причинную связь гибели и создания или космического всеуничтожения и биологической инновации.

В чрезвычайном упрощении мы можем себе представить некий большой калейдоскоп, где происходят эти явления, который не движется в пространстве, а находящиеся в нем элементы подвергаются бурным перетасовкам только тогда, когда он подвергается сильному удару снаружи. Похоже на то, что жизнь продолжалась в фазе относительной простоты прокариотов в течение миллиардов лет, поскольку ничто не вынуждало ее к инновационным преобразованиям, и только гибель каждый раз открывала новую эпоху видообразующей специализации. В са-

мом деле, в настоящее время уже видны две кривые, пролегающие через миллиарды лет, одна из которых указывает непостоянную частоту метеоритных обстрелов Луны и Земли, а вторая, почти параллельная первой, показывает, что вслед за мощными усилениями этих бомбардировок наступала новая эпоха развития таких живых организмов, каких до той поры Земля не знала.

Таким образом, статистика катастроф, последняя из которых нам известна как гибель динозавров, показывает, как биосфера в результате слепых ударов, идущих из космоса, как бы была вынуждена начинать новую созидательную работу. Коротко это можно сказать афористически, что мы обязаны нашим бытием, а следовательно, нашей жизнью катаклизмам внеземного происхождения, которые истребили доминирующие виды предыдущих эпох. Поэтому планета представляется неким ужасающим театром, принуждаемым к игре бушующей в нем жизнью все более новых вариативных разновидностей, поскольку после каждой эпохи развития определенного и огромного, взаимно сосуществующего числа видов опускается огненная завеса, после которой следует переход к очередному акту создания новых живых форм.

Эмпирик скажет, что таким образом мы наблюдаем случайность очередных драм многообразия жизни, убиваемой для того, чтобы из ее остатков возникла эпоха новых форм. Метафизик мог бы свойственным ему способом интерпретировать эти миллиарды лет гибели и рождений, принимая каждое зло каждого всеуничтожения за безличный или личный движущий фактор следующего акта существования земных поколений. Он может даже, благодаря такому взгляду, назвать виновником смены эпох не просто слепую случайность судеб кружащих обломков околозвездной материи, а какого-нибудь дьявола. Надо признать, что и такую интерпретацию истории земной жизни нельзя легко перечеркнуть.

Первоисточник:

Lem S., Zagłada i kreacja (Kreacja przez destrukcję). — «Tygodnik powszechny» (Kraków), 2002, № 16.